

Верные долгу

П о в е с т ь

А. Гуцин

Рисунки А. МУРАВЬЕВА

Слава победы лишь храбрым дается.
Стойкими будьте в борьбе!
Юность, тебе наша песня поется —
Вечная слава тебе!

(Из старинной революционной песни)

На центральной улице Приволжска — Николаевской — в большом двухэтажном доме находится уездный комитет партии большевиков. Еще недавно здесь жил помещик Семен Семенович Решетин. Отсюда он слал указания в свои имения, где на двухстах тысячах десятин земли выращивались богатые урожаи янтарной пшеницы полтавки, белотурки, перерода. После Октябрьской революции Решетин скрылся, а семью его, состоящую из болезненной жены Анны Ивановны и сына гимназиста Николая, переселили в находящийся во дворе небольшой флигелек. В укоме, как всегда, шумно. Сюда приходят ходяки из комбедов, забегают уладить неотложные дела с секретарем Глебом Ивановичем Куршевым коммунисты и беспартийные работники Уотнароба или Совнархоза, приезжают верхом на лошадях солдаты. Куршев — уроженец Приволжска, токарь депо, за участие в событиях пятого года был выслан в Сибирь и появился в родных местах как посланец партии в февральские дни. Худощавый, среднего роста секретарь нетороплив в движениях. На бледном лице, окаймленном русой бородкой, светятся внутренним огнем большие голубые глаза. Всегда задумчивый и серьезный, Куршев в трудные минуты заражает собеседников своей неистощимой энергией.

На бюро укома обсуждается вопрос об отправке в Петроград эшелона хлеба. Куршев внимательно слушает выступающих. Ему дважды приходилось бывать раньше в этом большом далеком городе. В сознании секретаря выплывают громады заснеженных улиц, туман и длинные очереди женщин, стариков и детей. Они мерзнут с полночи у магазинов, чтобы получить восьмушку хлеба...

— Отправить эшелон, конечно, можно, но он всё равно не дойдет, — говорит председатель упродкома Воронов, устало облокотившись на стол. — Весьма вероятно, что Зареченский разъезд уже захвачен бандитами. Вчера посылали туда разведку на дрезине, ее обстреляли.

- Не забывайте о городе! — вскочив со стула, выкрикивает начальник уездной милиции Модестов.

- А я не согласен с вами, — резко бросает секретарь партячейки паровозного депо Токарев. — Пробиться можно. К эшелону прицепим теплушку для красноармейцев. Пару платформ забронировать чугунными плитами. Захватим с собой ремонтную путевую бригаду, шпалы, рельсы, костыли.

Токарев уверенно взмахивает рукой, как будто заколачивает гвозди.

- Пожалуй, он прав, — думает Куршев. — Но и те правы. Ведь придется отправить надежных людей, отдать оружие. И обязательно пулемет. Но кто же поможет Питеру, если мы этого не сделаем?

- Не будете возражать, — заканчивает Токарев, — я сам поведу паровоз.

Все смотрят на Куршева.

Секретарь выпрямляется, он становится как будто даже выше.

- Эшелон необходимо отправить. Ведь питерские рабочие и дети так ждут этот хлеб. Токарев пробьется.

Куршев говорит вдохновенно. Вся его фигура выражает уверенность в благополучном исходе задуманного дела. Большинство голосов принимается решение об отправке хлеба. На подготовку дается два дня.

Начальником эшелона назначается Токарев.

* * *

Петя приехал домой неожиданно, зимней ночью. Он был одет в форму командира Красной Армии. Непривычным показалось матери его лицо: его покрывала мертвенная бледность. Сердце ее болезненно сжалось и она заплакала.

- Ничего, — огрубевшим, простуженным голосом утешал ее Петя, — отдохну, поправлюсь, буду как прежде. Для этого и отпущен. — Он улыбнулся, округлились ямочки на щеках, жесткий взгляд черных глаз потеплел. Это был прежний Петя, любимый первенец.

Особенно радовался приезду брата Миша. Ведь он лелеял надежду, что Петя возьмет его на фронт. Была и еще одна причина Мишиной радости — мать напекла таких вкусных лепешек. Да и картофельный суп сегодня заправлен маслом.

После обеда Петю уложили в постель и Миша тотчас подсел к нему.

- Почему у тебя брюки красные, а на рубашке синие дорожки?

- Это гимнастерка, Миша, и расшита она синими полосками, как у нас их в школе называли «разговорами». А брюки остались от парадной формы.

- Разве на войне тоже заставляют учиться?

- Учиться, Миша, всегда надо. А в школе я был в особенной, в первой советской военной имени ВЦИК а, в Кремле.

- Чему же тебя учили? Воевать, да? Вот я бы пошел в такую школу, это куда интереснее, чем читать по складам, — вздохнул Миша.

- Учились мы и в классных комнатах, а больше на склонах Тайницкого сада или на Ходынском поле.

- А что такое Кремль?

- Кремль? Ну как тебе объяснить? В центре города Москвы большие дома, они обнесены каменной стеной. В этих домах живут наши старшие товарищи и братья. Там и Ленин. Кремль и Москва, Миша, — сердце нашей России.

- Так тебе, Петруха, и Ленина довелось увидеть? Какой он? Большой, сильный? — вмешался в разговор дед Никита.

- Ленин? — по лицу Пети скользнула улыбка, — Нет, Ленин небольшой. Роста он небольшого, — пояснил Петя и стал рассказывать:

- Ночью, бывало, стоишь часовым на посту, смотришь, идет по коридору в какую-нибудь комнату — быстро, быстро, как бежит, и обязательно скажет «здравствуйте» и улыбнется. Простоишь в карауле два часа, потом четыре часа отдыхаешь и снова на пост. Но теперь уже Владимир Ильич только улыбнется, проходя мимо. Мы, курсанты, всегда удивлялись, какая у него необыкновенная память. Нас, часовых, много, но он никогда не забудет с кем поздоровался, а с кем нет.

- Вишь ты, — удивлялся дед, — значит уважительный. — Так ты что, в кавалерии? Шпоры, смотрю, у тебя, — Дед сам когда-то был кавалеристом и обрадовался подходящему случаю вспомнить былое, — Небось, доставалось. Муштровали? По-о-взводно! Марш-марш! — скомандовал он.

- Да, занимались много, особенно вольтижировкой. Любил я, стоя на седле, с перекинутыми стремянами брать барьеры или на всем скаку спрыгнуть на землю и сейчас же снова в седло. Стреляли по цели.

- Ну что ж, Петруха, закурим, — раскрыл дед кисет. — Дирал я тебя, правда, в детстве за эти штуки. Да теперь ведь ты вояка.

- Спасибо, деда, не курю.

- Как это не куришь? - недоверчиво взглянул дед, - Слышь, Анюта, Петюшка-то бросил курить.

- Вот молодец. Как же это у тебя получилось?

- Просто получилось, мама. Переносили мы раз бревна в Кремле, такая добровольная работа у нас «субботником» называлась. Ну, присели - перекур. А в это время Ленин идет мимо. Кто-то из нас в шутку, зная, что Владимир Ильич не курит, протянул ему кисет. Он подошел, посмеялся. А потом прищурил глаза и говорит:

- Вот вы — молодые люди, курсанты, учитесь. Все вы народ сознательный и понимаете, что курить вредно. А раз понимаете, то и не должны этого делать.

- Мы тут, сколько нас было, побросали цыгарки и дали ему слово, что курить — баста, не будем. Так и сделали.

- Так вон он какой Ленин, — вздохнула мать и утерла фартуком глаза.

- Долго же ты был в этой школе? — спросил дед.

- Больше года. Помнишь, уезжал я из дома комсомольцем, а там в партию вступил. Потом досрочный выпуск и — на фронт. Но не повезло мне в первом же бою. Затрубили сигнал: в атаку! Я скомандовал — и понеслись в карьер на беляков. Только вдруг что-то завывало, сверкнуло и швырнуло меня вместе с конем. Очнулся я уже в госпитале. Жаль. Не пришлось сразиться...

Мать опасливо крестилась и тяжело вздыхала: где-то теперь Роман?

Дед сочувствовал внуку. Да, не пришлось... А, может, оно и лучше. Могли ведь убить.

* * *

Много лет назад Петя вместе с отцом впервые подошел к шумно фырчащему и сверкающему паровозу. Застыл на месте от изумления, потом протянул руку и засмеялся.

— Тоже машинист будет, — весело крикнул проходивший мимо железнодорожник.

Железняковы — семья потомственных машинистов. Сорок лет водил поезда Никита Железняков, глаза стали слабые, ушел на покой. Да и смена уже выросла — сын Роман и внук Петюшка. Они были неразлучны в поездках. Иногда неделю их нет дома.

Давно схоронил свою бабку дед Никита и скучно стало ему. То он бредень начнет чинить, то лучину колоть, а больше возится с меньшим внуком — семилетним Мишкой. Хозяйка дома Анна Тихоновна целый день хлопочет. Пока воды с Волги наносит, печку истопит, белье постирает и солнце уже садится.

Зато, когда машинист и Петя возвращаются из поездки домой, всё оживает. Они шумно умываются и садятся за стол. Поужинав, Роман весело рассказывает о своих путевых впечатлениях, а Петя берет старенькую гармошку и наигрывает на ней.

Отец Пети, Роман, высок ростом и плотно сложен; когда он ходит по комнате, половицы прогибаются. На загорелом от ветров и жара топки лице вьется черная, как смоль, борода. Взгляд внимательный и зоркий. В минуты веселья смеется громко и раскатисто. Но если задумается, то смотрит вдаль, как будто видит там что-то изумительное.

От отца, наверное, Петя унаследовал рост и черные брови, веселый характер.

Бывали в семье Железняковых и горькие минуты.

Однажды ночью, когда все уже спали, раздался сильный стук. Роман Никитич открыл дверь.

- Кто там?

На белом снежном квадрате двора резко выделялись фигуры жандармов.

- Руки вверх! Есть у вас в доме кто посторонний?

- Нет, никого.

- Идите вперед.

Жандармы, держа наготове оружие и зажженную свечку, ввалились в комнату.

Петя видел, каким строгим и спокойным стал взгляд отца.

Проснувшийся на печи дед закрестился часто-часто: — С нами крестная сила! — И только двое — мать и Миша — запричитали и заплакали.

- Ну, вы, цыц! — рявкнул жандармский офицер, усаживаясь за стол и доставая из портфеля бумаги.

- Ты машинист Железняков Роман Никитич?

- Я, ваше благородие.

- Что ж ты, сукин сын, русское имя позоришь?

- Не извольте ругаться, ваше благородие.

- Что?! Обыщите комнату, — дал распоряжение офицер жандармам.

Те обшарили русскую печку. Не найдя там ничего, загнали на нее деда, Петю, Мишу, мать и продолжали перетряхивать все тряпки.

- В Москву недавно ездил?

- Ездил. Товарный водил.

- Кого привез с собой на паровозе?

- Кто — я? Никого.

- Врешь, собака.

Роман Никитич молча пожал плечами. Обыск не дал никаких результатов. Жандармы сделали виноватые лица, точно они повинны в том, что при обыске ничего не удалось найти.

- Взять его!

Петя чувствует, как в горле нарастает какой-то комок и душит его. Слезы подступают к глазам, но он молча глотает их. Ему жаль отца, обидно за него. Петя взглядывает на жандармского офицера. Холеное лицо с нафабранными усиками, в глазах сквозит презрение. Садясь на стул, он брезгливо махнул по нему вынутым из кармана белоснежным носовым платком. А ведь стул был чистый. Петя знает, что мать всегда по утрам и вечерам вытирает в комнате пыль.

Его любимого отца, такого сильного и хорошего, он назвал собакой. За что? У Пети появляется страстное желание подойти и ударить жандарма изо всех сил по холеной щеке.

- Прощайте, дети! Прощай, Анюта,— дрожащим голосом говорит Роман Никитич, обнимая жену, детей и отца.

- Тятя! — закричал Миша, — тятенька, не уходи!

Обнимая Петю, отец наклонился к его уху.

- Береговая два,— выдыхает он и прижимает к себе сына.

Давно жандармы увели отца, но в доме никто не спит. Петя, почувствовавший себя в доме старшим, затопил печь, согрел воду и заставил всех выпить по стакану горячего кипятку.

- Мама, ты не плачь, отец скоро вернется.

- Да, вернется... Владычица, пресвятая богородица, спаси его и помилуй!

Едва наступило утро, Петя оделся и ушел в депо.

- Здорово, парень, — приветствует его знакомый стрелочник Николаич, — Ты чего это надулся?

- Отца ночью арестовали, — дрожащим голосом говорит Петя, стягивая в комок непокорные губы.

- Ро-о-ма-на? — тянет Николаич, — Те-те-те. Подожди, сынок. Что же они говорили-то?

- А ничего не говорили.

- Обыск был?

- Был, да ничего не нашли.

Николаич берет Петю за руку и ведет на станционный двор. — Погодь малость.

Он обходит рабочих, о чем-то с ними шепчется. Потом, улыбаясь, ведет Петю к воротам.

- Ну, Петруха, нос не вешай. На вот, пойдя отдай матери на первый случай. Да скажи, чтобы не распускала нюни. Дуй!

Петя взволнован до глубины души. Он снимает шапку, потом резким взмахом глубоко натягивает ее на голову.

- Зачем же?

- Ничего, Петруха. Себе помогаем. Иди.

«Себе помогаем», — думает дорогой Петя.

Не чувствуя усталости, он бежит домой и, отдавая деньги матери, говорит строгим голосом:

- На вот, мама, на первый случай. Да не плачь ты, мы же не одни!

Взяв кусок хлеба, Петя идет по указанному отцом адресу... К его удивлению, он приходит в пекарню.

- Это номер два по Береговой?

- Да, а что тебе надо? — спрашивает его человек в очках.

- Мне ничего. Я просто так... — мнется Петя.

- Ага, зайди ко мне, — человек открывает дверь в маленькую конторку.— С тобой что-нибудь случилось?

- Нет, — Петя морщится и неожиданно слезы брызгают из его глаз.

- Ты что, мальчик?

- П-па-а-пу ночью арестовали жандармы, — машиниста... Железнякова.

- А-а, — понимающе говорит человек. Он хлопает Петю по спине. — Ничего, паренек, вернется отец. А ты ведь большой и сильный. Правда?

Петя вытирает слезы.

- Правда. Да, жалко...

- Ну, понятно, — человек дает Пете связку горячих витушек на прощанье.

Не спутал ли я чего? — думает Петя, возвращаясь домой. Отец, наверное, что-то хотел кому-то сообщить... А здесь просто пекарня...

Вскоре Романа отпустили. Только спустя несколько лет, уже после революции, Петя узнал, что в тот раз его отец тайно провез на паровозе большевика Куршева.

На фронт отец с сыном уезжали вместе.

- Ты, Роман, в случае чего, обороняйся до последнего, — давал наставления дед. — Не дрейфь, беляки они — сволочи.

- Ох, Роман, Роман, — вздыхает жена. Наконец все укладывается спать. Просыпается Петя от легкого подталкивания его в бок.

- А, что? Пора вставать?

- Тише, Петя, это я.

- Ну, чего тебе? — сонным голосом спрашивает Петя.

- Петенька, миленький, возьми меня с собой. Я просил тятю, он не соглашается. А я всё обдумал. Пристроюсь в ящике, а потом дорогой и выйду. Тятя посердится немножко, но домой меня отправить будет не с кем, так я и останусь... Ты только помоги мне устроиться да тятю упрости потом, чтобы он не сердился,

- Да ты, Мишка, с ума сошел, как погляжу. Куда такую мелочь на фронте девать?

- Я не мелочь. Из карабина уже два раза стрелял и вовсе не боязно.

- Спи, не болтай глупости.

- Ну, Петенька, миленький...

- Спи, я тебе говорю. Забыл — охрана города кому поручена? А на будущий год...

- Да ведь это — на будущий!..

- Ладно, спи. Будешь хорошо город охранять, тогда приедем и заберем тебя с собой.

- Эх, ты, а еще брат!

- Ну, ну...

В темноте к вокзалу движутся люди в черных

пальто и в серых шинелях, заплаканные женщины, дети.

Эшелон отправляется в 5 часов утра. Шумно на вокзале. Семья Железниковых вся в сборе, даже дед не захотел остаться дома.

Вошло солнце. И с первыми его горячими лучами резко ударил два раза станционный колокол, засуетились отъезжающие и провожающие.

Петя с отцом заняли место в вагоне у окна и торопливо передают остающимся свои наказы.

- Смотри, Мишка, я на тебя надеюсь.

- Ладно, — мрачно бросает Миша. — Будь спокоен.

Паровоз делает рывок, лязгают буфера и вагоны медленно двигаются.

- Счастливого пути!

Поезд прибавляет ход. Вот он уже чуть виден, еще миг — и лишь легкий дымок висит на горизонте.

Провожающие расходятся по домам с тяжелыми мыслями — удастся ли увидеть и снова обнять тех, кого они проводили в нелегкий путь.

* * *

В конце февраля начались оттепели. Врач решил Пете выходить из комнаты.

Радостно вдыхал юноша морозный воздух, разглядывал всё окружающее. Здесь он родился и вырос.

Деревянный, потемневший от дождей и времени домик Железниковых расположен на Епанчинском бугре — восточной окраине Приволжска. За ней вдаль убегает пропахшая полынью степь. Справа — заливные луга, где летом вырастают густые цветущие травы, напоминающие мягкий ковер. Душистый пырей и повилика, синие колокольчики и дикие белые розы переплетаются с голубыми незабудками и крохотными калачиками. Точно осколки огромного зеркала блестят озера, опоясанные камышами. На западе громоздятся серые каменные здания, одиноко упирается в небо труба костемольного завода и сверкают золотые купола церквей, Волга изогнулась вдоль города, как ятаган, кем-то брошенный и забытый.

На бугре тихо и пустынно. Жизнь там — в городе. Но она не привлекает Петю. Он закрывает глаза и видит себя в теплушке, едущим на фронт. Может быть, там удастся где-нибудь случайно встретиться с любимым отцом?

* * *

На листах оберточной серой бумаги, приклеенных на заборах около школы и исполкома, на базарных лавчонках намазано: — Сегодня РКСМ устраивает в семинарии собрание трудящейся молодежи. После — танцы.

Зимним вечером смеркается рано. Тускло светит в большом зале подвешенная, к потолку десятилинейная лампа. Взоры всех устремлены на невысокого паренька в красной рубашке, который горячо говорит о коммунистическом будущем. Это Саша Фролов. После тифа волосы у него стали виться кольцами, на бледном лице глубоко запали красивые черные глаза. Недавно он окончил десятидневные губернские курсы политпросветработников и теперь впервые делает доклад. Саша волнуется, он то и дело поправляет пояс и усиленно жестикулирует.

- Хотите, я ему задам вопрос? — подмигивая, обращается Решетин к приятелям.

- ...Призываю, товарищи молодежь, вступить в Российский Коммунистический Союз Молодежи, чтобы общими силами строить новое общество, — заканчивает докладчик.

- Можно вопрос?

- Давай.

- Имеются ли в истории человечества аналогичные примеры и соответствуют ли они общечеловеческим принципам гуманности и морали?

Фролов теряет. Откуда только Решетин берет такие непонятные слова. Потом пытается объяснить:

- Нет, таких фактов не было. А на основании учения Маркса рабочий класс возьмет власть в свои руки и...

- Это мы слышали. Нет ли чего поновей?

- Не мешайте говорить! — кричит Петя, позванивая колокольчиком.

- Я говорю о том, — продолжает докладчик, — что будет построено новое прекрасное общество. Вот почему молодежь должна вступить в РКСМ.

- Чего ты, Коля, связываешься! — потянул Решетина за рукав его сосед Вася Козлов, сын владельца городских бань, толстый и краснощекий юноша с рыжей кудрявой шевелюрой.

- Да так, интересный спектакль. Можно еще вопрос? А учиться будут тогда?

- Все будут учиться и работать. Люди...

- А в школах мороз и учителей нет.

- Вы не хотите меня понять.

- Я вас понял.

В зале наступило молчание.

- Так, кто, товарищи, будет говорить? — обращается к молодежи председатель.

Неловкая тишина.

- Кто же, товарищи, хочет получить слово?

Из задних рядов к столу пробрался худощавый паренек с лихорадочно горящими глазами. Он потерял немного шапку в руках и, указывая рукой на Решетина, Козлова и сгруп-

пировавшуюся около них молодежь, громко сказал:

- Сволочи. Мало вы над нами в гимназии издевались, так и здесь еще хотите? Кичитесь своими знаниями, а вы лучше расскажите, как ваши отцы людей убивали, их кровью и потом питались, расскажите, сколько людей они по миру пустили...

- Это оскорбление личности! Я так этого не оставлю, завтра же пойду в уком.

Но друзья остановили Решетина: — Да замолчи ты!

- Не замолчу! Приглашают на собрание, а потом оскорбляют!

- Решетина никто на собрание не приглашал. Валяй, Ваня, их в хвост и в гриву,— подбодрил Петя выступающего.

- Так вы думаете, что не пойдет молодежь в комсомол? Вас послушается? Ошибаетесь, молодежь за вами не пойдет. Запиши меня, Петя, в комсомол. Кувардин!

Он надел шапку и сел на свое место.

- Кто следующий?

- И меня тоже запишите, — поднял руку широкоплечий юноша, — Валентин Горохов.

- Еще кто, товарищи?

- Я требую, чтобы он извинился перед нами,— указывая на Ваню, сказал Решетин, — В противном случае мы уйдем с собрания.

- Как председатель могу вам ответственно заявить: скатертью дорога, мы вас на собрание не приглашали.

- Ах, так, пошли, друзья! — Решетин шумно поднялся и, подталкивая своих единомышленников, направился к выходу. В зале стало тихо.

- Запишите и меня — Кузнецов фамилия, Федор.

- Хочу спросить. Можно мне записаться? Я не здешний.

- А откуда вы?— осведомляется Петя,— Что-то не встречал я вас в городе.

- Батраком работал у Решетина, хлеб убирал, коров пас. В город пришел, думал учиться. Не выходит — жить не на что. Сейчас хожу по дворам с товарищем — пыльщики мы.

- Конечно, примем. Давай, говори фамилию.

Парень краснеет и, смущенно улыбаясь, проносит:

- Гавриков, звать Василием.

- Больше желающих нет, товарищи? Все записавшиеся приходят завтра в уком партии в 12 часов дня. Там мы создадим ячейку и выберем секретаря, выдадим комсомольские билеты и винтовки с патронами. Понятно, товарищи?

- Понятно.

- А теперь — танцы!

Зазвучали переборы саратовской гармошки, сброшены пальто и полушубки. Под звуки знакомого вальса «На сопках Маньчжурии» закружились десятки пар.

- Петя, знакомься — Вера Брускова, прислана к нам для агитработы, — подвел к Пете Куршев незнакомую девушку.

На Vere была серая блузка и юбка защитного цвета, потертая кожаная куртка, стоптанные туфли, широкий ремень ловко охватывал ее талию, а висящий сбоку в кобуре маленький револьвер и коротко стриженные белокурые волосы придавали ей мальчишеский озорной вид. Она была среднего роста, стройная. На бледном усталом лице синели бездонной глубиной глаза.

- Вера-девушка протянула Пете руку. - Из Петрограда, с судостроительного.

«Боевая, - подумал Петя, пожимая ее руку - У нас таких нет. Да и вообще в комсомоле у нас нет еще ни одной девушки».

- Петя Железняков.

- Ты завтра зайди ко мне в уком,- сказал Куршев Пете и затем, попрощавшись со Всеми, ушел.

Вера рассказала о том, как у нее дорогой стали продукты.

- Прямо настоящий великий пост был — расмеялась она.

- А вы как живете? - и не, ожидая ответа, заговорила: - Работы у нас сейчас будет по горло. Надо агитпункт открыть, клуб для молодежи устроить.

Скоро на скамьях и стульях возле них сгруппировалась молодежь. Зазвенели песни. Клуб решено было оборудовать общими силами, а Пете поручалось подыскать подходящее здание.

Керосин в лампе догорал. Она мигнула, раз, другой.

— По домам, товарищи!

В эту ночь обыватели, лежащие в постель вместе с заходом солнца, были разбужены доносившимися с улицы звуками Марсельезы.

- Душа, а Душа! - толкал жену проснувшийся торговец мясом, - Должно быть, красные уходят. Господи!.. Дай бог!..

* * *

Утром Железняков пришел в уком.

- Очень кстати, - встретил его Куршев. - Есть серьезное дело. - Он плотно прикрыл дверь, прошелся по комнате. - Знал я тебя, Петя, еще мальчишкой. А теперь ты вон какой герой. Надолго к нам?

- Рана подживет, тогда на фронт.

- Так. Помолчали.

- Отец ничего не пишет?

- Нет.

- Вот какое дело, Петя, - Куршев подошел к молодому краскому и положил ему руку на плечо:

- Придется тебе немного помочь нам.

Дело в том, что надо укрепить оборону города, да и ребят подучить. Буду с тобой откровенен: связи с губернией нет, город отрезан, кругом банды. Придется принять командование ЧО-Ном. Согласен?

- Конечно. Но ведь там Модестов, не обиделся бы он?

- Ну, обидится или не обидится, теперь не время об этом размышлять. Сегодня вынесем решение и принимайся за дело. А на Модестова не обращай внимания. Ему в пору со своей милицией управиться. Да и по правде тебе сказать, не доверяю я ему, скользкий он какой-то. Был меньшевиком, потом переметнулся к нам.

- А как с оружием? — спросил Петя.

- Есть винтовки, японские карабины, максим... Патроны возьми на учет.

- Хорошо. Я думаю, надо перевести коммунистов и комсомольцев на казарменное положение.

- Правильно, — утвердительно кивнул головой Куршев. - Давай действуй. Он подошел к Железнякову и обнял его.

Со строевыми занятиями первое время дело не клеилось. Когда молодой краском вывел всех на двор и скомандовал: «Становись!», Модестов демонстративно отошел в сторону и сел на стоявшие у ворот сани. Железняков повторил команду, но тот закурил папиросу и развалился. Тогда из строя вышел Куршев и быстро направился к начальнику милиции. Что он ему сказал бойцы не слышали, только Модестов быстро вскочил с саней и встал на свое место. Куршев вытер платком вспотевший лоб.

Занятия проходили ежедневно. Вечерами отряд с песнями возвращался из-за города. Из калиток и через заборы торопливо выскакивали мальчишки и девчонки и кричали: - Красные идут!

Отряд направлялся в казармы, и в морозной вечерней синеве разносилось:

Смело мы в бой идем

За власть Советов,

И как один умрем

В борьбе за это!..

Глубокая ночь. На железнодорожной станции оживление. Нетерпеливо фыркает стоящий под парами паровоз. Через полчаса эшелон отправляется.

Построились, рассчитались и промаршировали к вагону-теплушке красноармейцы и добровольцы-рабочие. Не слышно шума и разговоров. Какой-то шутник бросает на ходу: - Ну, теща, принимай зятьев. — Но никто не смеется.

Куршев вглядывается вдаль, туда где Рельсы исчезают в темноте. Он как будто! хочет разглядеть, что там ждет отъезжающих.

Подошел Токарев.

- Ну, Глеб Иванович, пора отправляться. Хочу ночью проскочить Зареченский.

Куршев взбирается в теплушку, осматривает ее.

- Хорошо устроились? — спрашивает секретарь укома.

В теплушке нары, на них вороха соломы. Пылают дрова в «буржуйке». В стене вагона сделана дверь для выхода на платформу.

- Как дома, — отвечает чей-то голос из угла.

- Валенки у всех есть?

- У всех, у всех!

- А вот и не у всех, — поправляет худенький красноармеец, только что свернувший козью ножку и теперь прикуривающий от уголька из печки. — Вон у железного дорожника нет, — и красноармеец показывает на нары.

- Я же предупреждал, что без валенок брать в поездку не буду. А ну вылазь, кто там!? — кричит Токарев.

С нар нехотя спускается молодой слесарь Портнов и останавливается перед командиром.

- Чего ж, голова, думал? Придется тебя оставить. Разве в этих вытерпишь?— показывает Токарев на калоши, привязанные к ногам веревочками.

Портнов поднимает голову:

- Не мог я мать оставить разутой в зиму. Ведь она работает, а сугробы, вишь, какие,— он взмахнул рукой,— Да вы не сумлевайтесь, я выдержу...

- Нет, чего зря говорить, бери сумку и марш домой! — приказывает командир.

- Товарищ Токарев, да ведь я должен ехать, — убеждает его Портнов.

- Нет, и не разговаривай,— отрезает Токарев.

- погоди, — трогает его за плечо Куршев,— Это дело поправимое.

Он садится на нары и усаживает рядом Портнова. Потом снимает свои валенки и говорит Портнову:

- Разувайся!

Тот оторопело смотрит на секретаря укома.

Куршев дает ему свои валенки и смеясь кричит:

- Ну давай калоши, а то заморозишь меня тут.

Все хохочут. Серьезен только Портнов. Он говорит с волнением:

- Спасибо, товарищ Куршев, ехать я должен.

- Выгодный обмен сделал, товарищ секретарь,— раздается из угла чей-то смеющийся голос.

- Не прогадал. Завтра на базар пойду,— улыбается Куршев и говорит бойцам:

- Желаю вам счастливого пути, товарищи.

Помните, вы везете людям жизнь.

Он выходит вместе с Токаревым из теплушки.

- До свиданья, Глеб Иванович, — подает тот ему руку. Куршев обнимает его и говорит на прощанье:

- Береги людей. Если не в мочь будет — дайте задний ход, а нет — пешком отходите...

- Сделаю всё, — отвечает Токарев и забирается на подножку.

Махнул фонариком дежурный по станции, вздрогнули вагоны и заговорили колеса. Паровоз, набирая скорость, помчал эшелон под уклон.

* * *

- Ора эт лябора! Ора тум эт ляборатум! Питекантропос! Обратите внимание, какие звучные слова. —Моисей Наумович поднял вверх указательный палец: — Питекантропос! Вот вы, Кувардин, знаете, что такое питекантропос? — конечно, не знаете.

- Да мне и знать не очень-то надо, — угрюмо ответил Кувардин. И его широкие светлые бро-

ви вспорхнули, как бабочки, на лбу легли три маленькие морщинки. Торчащие в стороны уши и большой нос на исхудалом лице придают ему выражение чем-то рассерженного ежика. Он был голоден. Вот теперь вся молодежь такая. Весь мир разрушим до основания, а затем... Надо бы сделать поправку: не затем, а зачем. Зачем? - вот вопрос. Зачем разрушать мир? Но мы уклонились. Питекантропос - это название древнего человека. Вообще греческий и латинский языки - культурнейшие во всем мире. Обратите внимание: все древние ораторы говорили по-латыни. Названия всех лекарств и сейчас пишутся по-латыни. - Потирая замерзшие пальцы, Моисей Наумович снисходительно улыбался. - Можете на меня положиться. Я обучу вас этим благородным языкам. Уотнароб знает меня. Латинским языком я владею в совершенстве да и греческий знаю изрядно.

Учитель еще долго и скучно говорил о своих знаниях иностранных языков, но в классе его не слушали. Ученики перешептывались между собой, стучали ногами, чтобы согреться.

Учителей в это время не хватало. Одни из них отсиживались в упродкоме, другие — ушли на фронт. Поэтому, чтобы заполнить свободные часы. Уотнароб направил в высшее начальное училище аптекаря Моисея Наумовича Натансона. Принадлежащая ему уездная аптека была реквизирована, а сам он за саботаж был отстранен от работы. Волей-неволей пришлось идти в школу. Учителям всё-таки давался паек.

- Что будет дальше, мы посмотрим, — любил он, бодрясь, говорить дома, - а пока мы питаемся и питаемся.

Моисей Наумович плотнее запахнул полы своего лисьего пальто.

- Ну, теперь, когда вы запомнили, что я сказал, продолжаем урок дальше.

В открывшуюся дверь просунулась голова подростка в красноармейском шлеме. Он построил озорную физиономию и крикнул на весь класс:

- Кузнецов, Кувардин! Быстро в ЧОН!

Сидевшие за партией два ученика встали, вскинули на плечи карабины и направились к дверям. Моисей Наумович сперва растерянно развел руками, потом надел пенснэ шагнул вперед:

- Нет, с урока уходить нельзя. Я сообщу в Уотнароб. Да, я не позволю!

Маленький, растопыренный, с большим поднятым кверху носом, он напоминал петуха.

* * *

Падает мелкий снег. На улице никакого движения. Кажется, что Приволжск затерялся в снежных сугробах. Всюду, куда ни глянешь, заснеженные заборы и дома, а за ними бескрайние степи, Волга, покрытая мягким белым ковром. Город отрезан от мира. Горстка милиционеров, караульная рота- 37 человек - и отряд особого назначения ЧОН удерживают город - островок Советской власти среди разгулявшегося моря белогвардейских банд.

Уже вторую неделю коммунисты и комсомольцы живут на казарменном положении. Командир ЧОНа Петя Железняков снаряжает караулы.

- Федя - говорит он Кузнецову, — с 11 часов ночи ты заступишь на пост около мельницы. С тобой будут Ваня Кувардин, Саша Фролов. Инструктаж я тебе дам потом, а пока отправляйся спать.

- Товарищ командир, разрешите и мне с ним?

- Нет, товарищ Жук, иди отдохни пару часов.

Чоновские казармы погрузились в сон. Впереди длинная тревожная ночь. Командир осмотрел винтовки, поправил у спящих одеяла, проверил часового у входа и погрузился в книгу: сегодня политзанятия.

Петя читает, а на душе у него беспокойно. Он знает, хотя и не говорит никому, насколько сложна обстановка. Банды подходят всё ближе к Приволжску. Зажиточные крестьяне окружающих деревень, подстрекаемые кулаками, недовольны продрозверсткой.

- Трушу? — задает себе вопрос Петя. — Нет, не трушу, но тяжело.

Вчера приходила мать. Он отдал ей свои дневной паек хлеба, уверяя, что у него еще столько же осталось. В усталых глазах, молящих его уйти домой, он прочел столько безысходного горя и тревоги за него, что еле сдерживая слезы, сказал:

- Ты не волнуйся. Скоро все это кончится, уже близко весна. По Волге к нам придет подкрепление, тогда будет легче. А сейчас иди, родная, я очень занят. - Обнимая ее, он шепнул, как бывало в детстве, «мамичка» и на мгновение задержался у нее на груди.

* * *

Казармы находятся в трехэтажном большом доме. Раньше здесь была духовная семинария. Теперь половину помещения заняла школа, а в другой разместился ЧОН.

В комнате на нарах сидят свободные от дежурства коммунары. Свет десятилинейной лам-

пы скрадывает неуютность казармы. Петя начинает рассказ о будущей жизни.

- Можно вопрос, Петя? — говорит Кувардин.

- Давай.

- Вот ты говоришь, что работать тогда будет легко — машин настроим, всего будет вдоволь и все будут сыты. Так я понял? Неужели это верно? И хлеба будет — ешь сколько хочешь, и войны не будет. Все люди будут равны и свободны?

- Да, за это мы боремся. Ленин указывает нам верный путь. Так будет.

- А я мог бы стать музыкантом, скрипачом?— спрашивает немного мечтательный Валентин Горохов, часами выстукивающий одним пальцем на семинарском рояле подобранные им мотивы «Яблочка» и «Варшавянки».

Петя кивает головой: — Человек будет иметь возможность...

Два удара колокола подняли всех на ноги. Чоновцы бросились к винтовкам.

- Товарищ Фролов, быстро веди свой отряд к семинарским окопам. Тревога на южном участке. Остальным бойцам быть наготове.

На улице поднимается метель. Со стороны семинарии трещат выстрелы. Резко, четко, как швейная машина, застрочил пулемет.

- Передайте Модестову, чтобы он обходил наступающих с правого фланга.

- Есть, передать, товарищ командир. Можно идти?

- Да.

Петя подтягивает подпругу у коня, чтобы отправиться на место боя. Вдруг в ночную темноту один за другим врезались три удара колокола. — Тревога на востоке,— мелькает в голове Пети. — Неужели обошли?— Валентин, беги быстро к командиру караульной роты. Отдашь записку. Рота должна выйти к садам. Товарищ Жук, садись на мою лошадь, передай пулеметчикам приказ: пулемет перенести на южную сторону, к садам, открыть огонь по бандитам.

К двум часам ночи перестрелка усилилась. Но город, казалось, спал.

Прибежал Валентин Горохов.

- Товарищ командир! Караульная рота побросала винтовки... Куршев тяжело ранен, его унесли на носилках. Модестов перебежал к бандитам. Что делать?

Петя выругался.

- Становитесь, товарищи, все в строй. Живо, живо! Одиннадцать человек... Ну ничего. Слушать команду! Наше спасение в том, чтобы не дать врагу захватить пулемет. За мной!

На окраине города они увидели несколько перебегающих и отстреливающихся бойцов.

- Пулеметчики, усилить огонь! Остальным— за мной. Коммунисты, вперед! Ура-а-а!
Вслед за коммунистами бросились в атаку все остальные. Не ожидавшие такого напора бандиты бежали.

После ночной схватки Петя провел собрание караульной роты, послал туда командиром рабочего костемольного завода коммуниста Волкова, а в помощь ему комсомольца Горохова.

- Надо воодушевить бойцов. Город будем защищать до конца. Таково решение укома, — дает наказ Железняков, — Связным пошлю к вам Жука.

Пожали крепко руки и разошлись.

* * *

Жук вприпрыжку мчался по лестнице вниз с пустым котелком в руке и неожиданно на повороте налетел на Веру.

- Здорово, Жучище! Куда это ты несешься?

- Срочное задание.

- А ну-ка постой минутку. — Вера приоткрыла рот и посмотрела к Жуку. — Ты умываешься с мылом? — Жук потупился.

- Есть мне когда с мылом умываться.

- А как тебя звать?

- Андрей.

- Андрюша, значит. Скажи, у тебя есть мать?

Андрей покачал головой. — У меня никого нет. Отца убили на германской, а мать умерла.

- У меня тоже никого нет. — Задумчиво вздохнула Вера. Потом помолчала и неожиданно добавила:

- С сегодняшнего дня, Андрюша, ты будешь умываться с мылом. Покажи-ка руки. Ого! Какие когти отпустил. Завтра я принесу ножницы, обрежем.

Она взъерошила Жуку курчавые волосы.

- Давно ты живешь один?

- Давно. Ну, еще что? А то я связным в караульную назначен, тороплюсь.

- Еще вот что: ночью как-нибудь перебежись, вечером отдашь мне белье, я его выстираю и посушу.

Жук вспыхнул.

- Я не маленький, мне уже скоро тринадцать будет — и сам могу постирать, если нужно.

- Ничего, ничего. Значит, договорились. Ну, беги, Андрюша.

Но мальчик не побежал. Он стоял насупившись, и вдруг тяжелые, горькие слезы показались у него по щекам.

- Ну, что ты, Андрюша? Не надо, миленький, Вера прижала его голову к себе. - Не надо. Мы будем с тобой дружить.

- Согласен, — сквозь слезы сказал Андрей, всхлипывая и размазывая кулаком грязь на лице, усеянном веснушками. Подняв на Веру круглые, как бусинки, глаза, он улыбнулся и, стараясь быть взрослым, пробасил:

- Ну, я пошел.

- Беги, Андрюша.

* * *

Вечером Петя пришел в маленький домик на Пугачевской улице проведать Куршева. Вышедший к нему врач предупредил, что тревожить раненого нельзя. Ему необходим полный покой. Но Куршев, узнав голос Пети, настоял на свидании.

Увидев секретаря укома, Петя вздрогнул, сердце его сжалось: Куршев сильно побледнел, осунулся, щеки его запали.

- Спасибо, что зашел. Ну, как там ребятки?

- Держатся, — Петя взял себя в руки, —

Держатся. Устоят.

- Правильно. Ну, а как ведет себя Модестов?

Петя замялся. Стоит ли волновать больного и говорить ему о позорном поступке бывшего командира караульной роты? И Петя, не желая волновать Куршева, ответил:

- Модестов? Ничего.

- Связи по-прежнему нет?

- Нет.

- Ты в караульную сам почаще заглядывай, подбадривай бойцов. Я вот не могу тебе, к сожалению, помочь, — и Куршев смущенно улыбнулся.

- Ну что вы, Глеб Иванович! Это же не от вас зависит.

Петя простился и вышел на улицу. Ветер как будто ждал его, сердито рванул за полу полушубка и с силой бросил в лицо тучу снежной пыли. Придя в казармы, Петя вызвал комсомольца Гаврикова.

- С лошадьми, Вася, умеешь обращаться? Ты ведь крестьянин?

- Да, могу.

Гавриков, смуглый юноша с черной шапкой волос, делает всё быстро, распоряжения выполняет точно и уверенно. Пете нравится его сосредоточенность и умение владеть собой в опасные минуты.

- Возьмешь укомовскую пару и сани, заготовишь сено и два мешка овса и будешь держать наготове. — Петя замолчал, потом, поборов волнение, продолжал, — на тот случай, если... Понимаешь?

Гавриков молча кивнул головой.

- Посадишь Куршева в сани и постараешься вывезти в лес к Синеньким. Там у меня дядя

лесник на заимке проживает. Ему и сдашь Куршева... О нашем разговоре никому ни слова. Понятно?

- Понятно.

* * *

- Товарищ командир! Товарищ командир!

- А, это ты, Жук! Я вздремнул минутку.

- Товарищ командир, караульная рота ночью разбежалась. Волков и Горохов убиты.

- Как? — вскочил Петя.

- Я под нарами спал... — Жук заплакал, — проснулся — шум, крики, удары, потом все побежали... Я вылез и...

Быстро накинув шинель, Петя схватил Жука за руку и выбежал на улицу.

Тах-тах-тах — гулко ударили где-то рядом выстрелы. И тотчас же вслед сердито и нетерпеливо рванул пулемет. Выстрелы еще и еще...

- Около мельницы стреляют.

Петя с Жуком короткими перебежками добрались до ворот.

- Фи-ить, фи-ить, — надоедливо посвистывают пули. Петя поднимается на второй этаж мельницы, к окну, где стоит пулемет и, лежа на выбеленном мукой полу, стреляют из винтовок коммунары.

- Туча ползет, — кричит Кувардин, повернув на мгновение голову, и снова досылает патрон; прильнув к полу, прищутив левый глаз, он стреляет.

Петя берет бинокль. Поле, овраг, перелесок — чисто. Ага! Вот вынырнули из оврага верховые. Один упал. Но что это? Стукнуло и заняло тревожно сердце. Из оврага поднимались, точно

огромные чудовища, обозы. Вокруг них с ружьями, вилами и косами шли мужики и бабы, подростки. Два обоза пошли в обход города, забирая его в кольцо, а один двигался прямо к мельнице. Так вот он, конец... Разве устоять против этой махины горсточке чоновцев? Выглянувшее на миг из-за туч солнце, как гигантским прожектором, осветило приближающийся к мельнице обоз. Серебряными полосками блестят косы, разноцветными огнями играют зубья вил, а на этом фоне черные маленькие фигурки, точно муравьи, суетятся около колымаг, бричек, фур и полуфурок.

- Стрелять по тем, у кого есть ружья. Товарищ Жук, отдай мне пока винтовку, беги к Фролову. Вот записка. Скажи: милиции залечь с западной стороны у амбаров и не пускать бандитов в город.

Петя берет винтовку и ложится около окна. Опять показались верховые. Вот один из них подъехал к женщине, которая остановилась, машет руками, видимо, что-то говорит. Упала на колени... Ах, проклятый, ударил плетью раз, другой... Петя бросил бинокль. Мушка скользнула по равнине,

пробежав вмиг расстояние от мельницы до верхового, ткнулась ему в грудь, палец привычно нажал курок. Всадник сразу опустился в седле и, раскинув руки, точно ныряя воду, скользнул на землю. Женщина бестолково заметалась по равнине.

- Огонь по верховым! Бандиты гонят толпу под наши выстрелы, а сами прячутся. По верховым огонь, товарищи!

Наступающие медленно приближаются к мельнице. Снова мушка Петиной винтовки потянулась к конникам... Над обозом высоко взметнулась на высоком шесте черная тряпка. Это черное знамя, вобравшее в себя всю грязь, подлость угнетателей народа, заплескалось вверх, пачкая голубое небо. И тогда темные фигуры поднялись и бросились вперед.

Пулемет застрочил, не останавливаясь, к нему присоединились винтовочные выстрелы. Бесильные в своей злобе, не пробежав и десяти шагов, усеяв равнину трупами, бандиты снова залегли.

- Товарищ Кувардин, я поеду к Фролову. Держитесь как можно дольше. Вторая линия у базара. Смелее, друзья! — подбодрил Петя товарищей, — Уничтожим это проклятое черное знамя навсегда.

- Уничтожим, Петя!

Глаза Железнякова на миг задержались на лицах обернувшихся к нему бойцов. Милые, давно знакомые лица!

- Держитесь! — крикнул Петя, — Мы победим! Тревожно вглядываясь в пустынные улицы и переулки, он торопится к амбарам. Красная улица — бывшая Николаевская, отсюда хорошо виден бугор.

- Мама, милая мама, как она там, бедная, что передумает за эти минуты? Вперед, Зорька!..

- Петя! — радостно вскрикнули притаившиеся около амбаров коммунары.

- Здорово, ребятки! Ну, как?

Фролов отвел Петю в сторону.

- Понимаешь, милиционеры не хотели идти со мной. Думаю, что делать? Смотрю... Да вон, гляди, тебя зовут.

На площадке лестницы амбара стояли бойцы, а среди них девушка в кожанке, приветливо машущая рукой.

- Вера! — Петя взобрался на площадку. — Здравствуйте, друзья. Вера, ты зачем здесь?

- Не могу же я сидеть дома и ждать, пока всё кончится. Люди, — она показала на милиционеров, — дали мне честное рабочее слово, что они не уйдут отсюда, несмотря ни на что. Я сама — работница, комсомолка, как же я их брошу!..

Суровые лица милиционеров просветлели.

- Спасибо, барышня, — сказал один из них, Селиванов, высокий пожилой мужчина.

- Я не барышня, — тихо ответила Вера, — я выполняю завет отца, замученного и убитого жандармами.

- Хорошо, товарищи. Банда не появлялась?

- Нет, пока не было. Видели только — вдаль двигался какой-то обоз.

- Да-а, значит, пошли в обход лугами. Оттуда, конечно, им удобнее ударить на город. Товарищ Фролов, через двадцать минут отступите отсюда на базарную площадь, закроете все дороги к городу. Если напора не сдержите — отступайте к семинарии. Но только без паники. Запас цел?

- Да, на семь дней продукты и вода, патроны, винтовки.

- Хорошо. Всё понятно?

- Понятно, товарищ командир.

- Товарищи, отомстим за наших погибших друзей!

- Эх, если бы иметь еще один пулемет, чтобы бить в обе стороны. А так навалятся сразу — задавят. А почему стрельба у мельницы прекратилась? Неужели?.. побежал по спине холодок, сжалось сердце. Железняков прищпорил лошадь.

Но до мельницы он не доехал: навстречу бежал Кувардин, а позади, отстреливаясь и падая, один за другим отходили бойцы.

- Прорвали?! — диким голосом закричал Петя, — А пулемет?!

- Обошли, забрали, сволочи! — задыхаясь, выкрикнул Кувардин и рванул воротник рубашки так, что оборвал все пуговицы.

Петя спешил.

- Быстро под прикрытие, товарищи!

Горстка чоновцев засела около магазинов. Кончатся патроны, а всадники всё скачут навстречу своей смерти. Вот упал один, другой. Фи-ить, фи-ить, — надоедливо свистят пули над головой.

- Слушать мою команду! — старается перекричать Петя грохот выстрелов.

Бандитам надо проскочить пустынную базарную площадь, и тогда город в их руках. Но только они поднимутся, Петя подает команду:

- За-алп!

Подползли Фролов, Вера с бойцами. Настроение поднялось. Слышны шутки:

- Вера, на прогулку вышла?

- Ага, вместе с вами! — кричит Вера.

Неожиданно стало тихо.

- Готовьтесь, товарищи, бандиты что-то затевают.

Снова заплескалось черное знамя. Еще сильнее загревели выстрелы. Верховые и пешие устремились, не останавливаясь, на защитников города. А далеко позади послышалось ржание коней и какой-то неясный шум. «Обошли?!» — подумал Петя. Он приподнялся с земли и в наступившей на какое-то мгновение тишине взвился ввысь его звонкий голос:

- Коммунисты, вперед!

Мечется ветер по площади. О, весенний волжский ветер! Не ты ли сорвал шапку с головы комсомольца Феди Кузнецова, потянувшегося к солнцу, и повалил его на землю, не ты ли напоил через меру весенним воздухом высокого милиционера, который, раскинув руки и запрокинув голову, распластался неподвижно на площади, не ты ли сбил с ног коммуниста Воронова?

- Коммунисты, вперед!

На какую-то минуту задержались бандиты, но сбоку выскочила большая группа конников и с диким воем устремилась на коммунаров. Петя увидел перед собой вздыбленную белую лошадь с расширенными глазами и тотчас же что-то огромное, черное упало ему на голову. Кругом всё потемнело и смолкло.

...Тревожная притаенность города сменилась веселым трезвоном колоколов старого собора, ржанием коней и скрипом повозок.

Под усиленным конвоем ведут захваченных в бою раненых и изможденных чоновцев.

- Смерть им! Дайте их нам! — орут пьяные бандиты.

- Селяне! — горланит верховой, начальник конвоя,— Селяне! Не можно! Карать будем! Дорогу, селяне!

Бандиты тычут коммунаров вилами, кидают в них камнями. Те идут молча, устремив свои взоры вдаль.

Бандиты врываются в дома, выволакивают рабочих на улицу и убивают, наслаждаясь местью, торжествуя победу.

Добрались до домика на окраине. Услужливые торговцы, спекулянты, те, кому революция несла гибель, представлялась страшным призраком, те, для которых слово «жрать» стало священной заповедью, услужливо шепнули — в том домике военный начальник всех коммунистов живет, идите туда,— Группа озверевших людей, вооруженных вилами, кольями, с воем несется на окраину, срывает с петель ветхую калитку и вламывается в домик. С дикими ругательствами, под причитания деда Никиты, они вытаскивают Анну Тихоновну на улицу — Народила адово отродье! У нее муж коммунист! Сыновья — консомолы!— Лицо матери покрылось кровоподтеками, ключья волос висят на плечах, лежат на грязном снегу.

- За что? Что я?.. — Анна Тихоновна взмахивает руками и со стоном валится на землю.

Частые тревожные звуки набата, дым, поднявшийся над городом, отвлекают внимание бандитов.

- Пошли, братцы, сказывали, склады упродкома будут открывать...

- А в тех гамазях мануфактуры-ы-ы, сама видела! Пошли скорее.

Трофейный день банды, увлекшей за собой разъяренных кулаков, закончился с наступлением темноты. Свыше 300 трупов распласталось на улицах города, повисло на телеграфных столбах, опустилось на дно леденящей бесстрастной Волги.

Миллионами честных сердец будьте вы прокляты, палачи, погубившие лучших сынов и дочерей молодой республики!..

* * *

Весенний ветерок обшаривает закоулки и пустыри, несется по широким улицам, вихрем влетает на базарную площадь и в темноте, кружась, исчезает. Тихо на площади, пустынно. Лишь в подвале магазина, глубоко под землей, за пустыми ящиками и корзинами лежат, прильнув к стене, Вера Брускова и Саша Фролов. Во время боя они отстреливались, стоя на лестнице подвала, когда увидели, что гибель неизбежна, стремительно рванулись вниз и торопливо зарылись в прогнившую солому. Крепко сжимая винтов-

ки, расширенными зрачками вглядываются в темноту.— Ах, как тяжело, как жаль товарищей...

- Сашенька, миленький, — шепчет Вера.— Расстреляем патроны, а потом ты застрели меня. Я не хочу другой смерти...

- Что ты, Вера! Да может быть, банду вышибут из города.

- Нет. Всё кончено.

- Успокойся. Мы спасемся. Знаешь?..— Жажда жизни, надежда на спасение захватывают Сашу, — Знаешь? Ночью мы проберемся в семинарию. У меня там есть потайное местечко под стрехой крыши, прямо как комната, — еда и вода приготовлены. Только ты не падай духом, Вера.

- Правда, Саша... У нас же есть оружие, будем пробиваться.

Послышался легкий шорох. Саша и Вера затаили дыхание.

- Ф-фу,— вздрагивает Саша,— это же крысы! — Они лежат молча, сверля глазами темноту, уносясь мыслями к тем, кого оставили там, наверху, на этой страшной площади. Кажется, что они находятся в этом темном подвале очень давно... Оцепенение и равнодушие охватывает их. Сказывается Усталость, недоедание, волнение пережитых Дней.

- Ну, что ж, Вера, — прерывает безмолвие Саша,— наверное, уже полночь. Давай попробуем. Только вот я не знаю, брать ли нам винтовки, как бы они не помешали? Так-то нас в темноте примут за своих.

- Нет, Саша, давай возьмем. Все-таки как-то спокойнее — знаешь, что можешь защищаться. У меня, правда, есть браунинг, но много ли им сделаешь? Пойдем с винтовками.

- Ладно.

Тихо выползли на лестницу: никого не видно. До семинарии надо пройти почти целый квартал.

- Я пойду вперед, Вера, будет тихо — следуй за мной.

Крепко пожали руки. Темнота поглотила Сашу. Долго тянутся тревожные минуты ожидания, — Пойду, — решает Вера. — Нет, еще минутку подожду,— Потом она бесшумно, как и Саша, скользит по земле.

- Вера, быстрее, — шепчет Саша.

Пробежали переулок. В пролом забора зашли в сад. Огромный корпус трехэтажной семинарии высится черной неопределенной громадой. Темно. По пожарной лестнице они карабкаются на чердак. Там Саша проводит Веру какими-то узкими ходами, мимо боровов десятков труб, заставляет пролезать в щели.

- Когда я поступил в школу,— рассказывает Саша, — мне было интересно, как могли построить люди такой красивый большой дом. Самому хотелось уметь это делать. Думал, может быть, и я стану архитектором, ведь люди всему могут научиться. А пока в свободное время лазил и смотрел, как построена семинария. И вот, тогда-то я и наткнулся на это помещение. Мы пришли. Сейчас темно, а вот днем увидишь — как в комнате. Здесь у меня в углу солома, еда ведро с водой... Бедный Петя, ты видела, как он упал, когда на него налетел верховой? Эх, друзья! Удастся ли с вами увидеться?

Они долго еще сидят, вспоминая подробности дня, горя об утраченных друзьях. Постепенно разговор их переходит в бормотание. Они вздрагивают, сжимая руками винтовки, изредка вскрикивают, переживая во сне еще раз страшные минуты недавней яви.

Глубокая ночь витает над городом.

* * *

Гавриков точно выполнял распоряжение командира, хотя его томило безделье и хотелось убежать туда, где шел бой, на помощь товарищам. Вот уже перестали доноситься выстрелы, но никто из чоновцев не показывается. Неужели конец? Долго тянутся томительные минуты сомнения: ехать. — Нет, подожду еще,— Гавриков с помощью хозяйки надел на Куршева, который метался в горячке, оставленные Железниковым валенки, тулуп, шапку и рукавицы, уложил его на сено в розвальни. Из соседних калиток уже стали высовываться любопытные головы. Юноше не хотелось верить, что друзья его погибли. Мурашки пробежали у него по спине, но он всё еще надеялся и оттягивал минуты отъезда.

Колокольный трезвон донесся до тихого переулка и Гаврикову стало ясно, что его надежды рухнули, нельзя дальше подвергать секретаря опасности. Пора.

Уже смеркалось. Ночью была метель, но днем пригрело солнышко и местами дороги почернели. Чувствовалось приближение весны. Гавриков тронул пару застоявшихся коней и розвальни плавно понеслись. Только бы выбраться ему за город, а там в темноте по Волге легко проскочить до заимки. Случайные прохожие с любопытством глядят на мчащуюся пару и одинокого седока: куда это он на ночь глядя торопится?

Гавриков правит левой рукой, правая спрятана у него за пазухой, в ней зажат наган, заряженный семью патронами. Это подарок Железникова. Рядом в сене лежит карабин. Вот и съезд на Волгу. Кажется, счастье сопутствует

ему — быстро темнеет, и насколько видит глаз — никого нет. Но сколько тревог еще впереди: легко можно въехать в полынью и, кроме того, дорога лежит через деревушку Черевавино. Есть там бандиты или нет, стоят ли часовые?..

Кони пошли шагом. Гавриков соскакивает с саней и бежит проверить дорогу. Всё хорошо. Он возвращается, останавливает лошадей, разрывает сено и спрашивает Куршева:

- Глеб Иванович, как ты себя чувствуешь?

Тот молчит, потом тяжело стонет и громко спрашивает:

- Держитесь, ребятки?

Слезы катятся по лицу Гаврикова, но он старается не выдавать себя и отвечает:

- Держимся, Глеб Иванович.

- Хорошо.

Куршев опять начинает стонать и бормотать что-то непонятное. Комсомолец осторожно укутывает его, притыкает кругом сено, чтобы ему было не так холодно, и снова трогает лошадей...

- Пора... Эшелон... До свиданья, товарищи!

Секретарь укома видит вокзал, прощанье с Токаревым, убегающие вдаль вагоны.

Вот и Питер. - Наконец-то, - шепчет он. Горы нарезанного хлеба, а кругом улыбающиеся худые дети, они протягивают тонкие, как плети, ручонки. Куршев улыбается: это жизнь, ребятки, мы откроем ей светлый, свободный путь.

* * *

Эшелон мчался по снежной равнине, мелькали селения, перелески. В ту ночь, не доезжая километра два до разъезда[^] Токарев остановил паровоз и взял с собой Порт-нова и двух красноармейцев, отправился в разведку. Впереди не видать никого, лишь одиноко чернеет будка стрелочника. Есть там люди или нет? Токарев потрогал дверную ручку — заперта изнутри.

Приказав спутникам приготовить оружие, он постучал. В будке послышалась возня и испуганный голос спросил:

- Кто там?

- Так и царство небесное проспять можно. Вставайте, смена пришла.

- Ай, утро уже, а кажется только заснули. Вставай, Петрович.— Лязгнул крюк и из будки вышел молодой парень. Увидев наведенные винтовки, поднял руки вверх и испуганный застыл на месте.

Обезоружив и связав часовых, осмотрели стрелки. Они были переведены на запасный путь.

Заперев в будке часовых и забрав у них оружие, перерезав на всякий случай телефон, приволжцы

устремилась вперед. На рассвете их обстреляла какая-то группа конников. Но машинист набрал скорость. К полудню эшелон снова шел по советской земле. Путь был свободен...

* * *

Небо покрыто тучами, наверное, к утру пойдет снег. Ветер. Иногда из-за туч на мгновение выглянет ущербленный месяц и вновь скроется. Впереди что-то зачернело. Это Черевавино.

Гавриков останавливается, слезает с саней, поправляет хомуты, проверяет постромки и укладывает Куршева поближе к передку, потом ту же нахлобучивает шапку и погоняет лошадей. Они мчатся неслышно в ночной темноте, лишь отскакивают комья снега да поскрипывают полозья. Вот и первые хаты. На дорогу выходит темная фигура:

- Стой! Кто едет?

Не останавливая лошадей, Гавриков берет вправо и на ходу бросает часовому:

- Свои. Везу срочный пакет.

Часовой машет рукой и опять отходит к завалинке. Теперь сани мчатся по единственной длинной улице деревни, под уклон. Гаврикову жарко. Рука, зажавшая наган и приготовившаяся стрелять в часового, одеревянела, пальцы не разжимаются. В голове шумит. Вот и околица. Здесь часового нет и сани вырываются на простор. Проскочил!

Дорога пошла в гору и начался лес. Только бы не проехать развилку трех дорог, о которой говорил командир. Там рядом заимка. Деревья словно немного поредели. Где-то совсем рядом залаяла собака. Гавриков остановил лошадей и привязал их к дереву. Потом взял карабин и пошел на лай собаки. Вот и плетень. За ним виден небольшой домик, сарай, несколько стогов сена. Скрипнула дверь, и на пороге показался человек с ружьем в руках.

- Кто там?

Прячась за деревом, Гавриков спросил:

- Лесник Железняков здесь живет?

- Ну, я, а тебе что надо?

- Поклон привез от Петра Железнякова из Приволжска. — У Гаврикова заныло сердце, — а может быть, Пети-то и в живых нет.

- От племяша? — обрадовался лесник. — Ну, как они там живут? Да ты подходи, не бойся. Серый, цыц! — унял лесник собаку.

Гавриков подошел, поздоровался и потихоньку спросил:

- У вас никого посторонних нет?

- Нет. А что?

Торопясь, Гавриков рассказал о цели своего приезда и лесник тотчас же засуетился.

- Так давай же его скорей в дом, он поди замерз. Марья, — разбудил он жену, — разогревай щи да ставь самовар.

Внесли Куршева и положили на лавку. Он по-прежнему бредил, то тихо радуясь, чему-то смеялся, то громко стонал. Решено было поместить его под полом, там, где хозяйка хранит овощи, коней же отвести подальше, в глубь леса.

- Ну вот, спасибо, — сказал Гавриков, похлебав щей и напившись чаю, — Теперь я спокоен и могу идти.

- Куда же ты пойдешь?

- Буду к своим пробираться. Ты говоришь, надо на восток идти?

- Да, на восток.

Светает. Гавриков уложил в котомку хлеб, соль, вареную картошку, расцеловался с хозяйками и отправился в путь. Лесник долго стоял на крыльце и глядел ему вслед, потом вздохнул.

- Ох, сыны, тяжелая у вас дорога.

У лесника сын тоже служил в Красной Армии.

Три дня пробирался Гавриков то лесом, то степью на восток. Прятался в копнах и в снегу, обморозил ноги, лицо у него почернело. Когда он увидел, наконец, красные звезды на красноармейских шлемах, то не выдержал, заплакал и побежал навстречу:

- Наши! Наши!

* * *

Вера проснулась перед рассветом. Ветер гулял по чердаку, было холодно. Съездившись и прижавшись к Саше, она лежала неподвижно. На глаза вопреки воле навертывались слезы. Жалко было Петю. — Эх мы, трусы, — распалила она свое сердце. — Не могли встать рядом с ним. Милый Петя, только сейчас я почувствовала, как ты дорог мне.

Вдоль стрехи крыши потянулась синяя полоска света, потом она поглубела и вдруг неожиданно запылала красным пламенем.

- А он не увидит уже это яркое весеннее солнце. Саша, Саша, — толкала она неподвижно лежащего Фролова. — Вставай.

- Что ты, Вера, — бормотал спросонья Саша. — Что случилось?

- Ничего не случилось, Саша. Пойдем к окну, может быть, что-нибудь увидим?

- Ох, Вера, так еще рано.

- Саша, не могу я, тоска меня замучила.

- Ну ладно, пойдем, — Взяли винтовки. Днем на чердаке полутемно. Кое-где пробиваются золотистые полоски света, огромные боровы, идущие к трубам, кажутся вздувшимися венами на каком-то огромном животном. Вот и слуховое окно, а рядом большие щели. Знакомая базарная

площадь пустынна. Собор, тихие улицы. Не верится, что вчера здесь разыгралась трагедия.

- Обожди, обожди... А что это такое? — тревожным голосом вскрикнула Вера.

- Где, где?

- Там. — Вера мотнула головой по направлению к собору и, уткнув голову в колени, зарыдала.

(Окончание следует).

